

ХОРХЕ ЛУИС БОРХЕС
АДОЛЬФО БИОЙ КАСАРЕС
Библиотека классического детектива

ЭНТОНИ БЕРКЛИ
ДЕЛО
ОБ ОТРАВЛЕННЫХ
ШОКОЛАДКАХ

Энтони Беркли

Дело об отравленных шоколадках

Беркли Э.

Дело об отравленных шоколадках / Э. Беркли — 1929

Энтони Беркли – один из лучших авторов психологического детектива. Главный герой его произведений – писатель Роджер Шерингэм, создатель Клуба криминалистов-любителей, – в расследовании криминальных тайн предпочитает опираться на интеллект и интуицию. Образец классического романа Золотого века детектива.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Энтони Беркли

Дело об отравленных шоколадках

Глава 1

Сделав изрядный глоток старого доброго бренди, Роджер Шерингэм откинулся на спинку кресла, стоявшего во главе большого стола.

В комнате царил полумрак, наполненный табачным дымом и голосами, восторженно обсуждающими такие волнующие темы, как убийства, отравления, смертельные яды и тому подобные прелести жизни. Клуб криминалистов, любимое детище Роджера Шерингэма, созданное им, можно сказать, по собственному образу и подобию, объединял лучшие умы современности, функционирующие теперь под его, Роджера Шерингэма, руководством. Когда на первом же заседании Клуба пять месяцев назад он был единодушно избран президентом, он второй раз в жизни испытал блаженное чувство абсолютно законной и безоговорочной гордости за свою персону. Первый раз он познал это восхитительное чувство, когда некий издатель, сущий ангел в человеческом обличье, согласился опубликовать его первый роман.

Справа от Шерингэма, на самом почетном месте, восседал мистер Морсби, главный инспектор Скотленд-Ярда. В настоящий момент главный инспектор находился в крайне затруднительном положении, поскольку взялся раскуривать огромную сигару, совершенно не представляя себе, как это Делается. Роджер Шерингэм повернулся к нему.

– Не подумайте, Морсби, – небрежно начал он, – будто я свысока отношусь к вашему, вне всякого сомнения, достойному учреждению, но мне, честно говоря, представляется, что Скотленд-Ярду здорово не хватает духа истинной криминалистики, которым насквозь пропитана эта комната. Я, разумеется, имею в виду чистую криминалистику, а не, извините, практику сыска. И знаете, здесь это противопоставление ощущается острее, чем где бы то ни было. Ну, может, парижское Сюрте еще может с вами тягаться.

– Вы полагаете? – осведомился старший инспектор, имевший профессиональную привычку выслушивать любые глупости с самым любезным видом, и вернулся к своей сигаре, тут же с ужасом обнаружив, что совершенно забыл, с какого конца начал ее поджигать.

Роджер не зря говорил о духе криминалистики, витавшем в комнате. Попасть в члены Клуба было задачей практически невыполнимой. Одного желания всецело посвятить себя благородному делу криминалистики тут было недостаточно. Соискатель членства в Клубе должен был доказать свою полную готовность к этой тяжелой, но почетной миссии.

Помимо глубоких познаний во всех без исключения разделах криминалистики, будьте методика расследования преступлений или криминальная психология, соискатель должен был досконально знать все сколько-нибудь значительные уголовные дела – и не только знать, но, в случае необходимости, и умело применять свои познания на практике. Кроме того, соискатель должен был обладать недюжинным интеллектом и редкостной интуицией. Если он действительно обладал всем этим, он представлял президенту научное исследование на тему, предложенную членами Клуба, и, если президент находил оное заслуживающим внимания, созывалось общее собрание, на котором кандидат со своим исследованием должен был завоевать ум и сердце каждого без исключения действующего члена Клуба. Если хоть один был против, кандидат безжалостно изгонялся.

По оригинальному замыслу, в Клубе должно было быть тринадцать членов, однако на текущий момент выдержать столь жесткий отбор удалось только шести.

Этим вечером все шестеро были в сборе: блистательный адвокат, знаменитый драматург – точнее, знаменитая, ибо это была женщина, – потом еще исключительно одаренная

писательница, чей дар, к несчастью, пока не был по достоинству оценен широкой публикой, известный автор детективных романов, пользующийся репутацией самого интеллектуального – хотя и далеко не самого интеллигентного – творца детективной прозы, и, наконец, сам Роджер Шерингэм. Ну и еще мистер Эмброуз Читтервик, настолько же никому не известный, насколько и ничем не примечательный. Поскольку он отлично знал это и сам, посвящение в члены Клуба шокировало его не меньше, чем блестящее общество, в котором он так неожиданно оказался.

Любой хозяин был бы горд принимать подобных гостей. За вычетом, разумеется, мистера Читтервика. Роджер Шерингэм был переполнен гордостью и немного нервничал. Он подготовил собранию изрядный сюрприз, но был не совсем уверен, как его примут. Он поднялся с кресла.

– Леди и джентльмены, – начал он и, улыбнувшись, смолк, выжидая, когда снова наступит тишина: по традиции, оратора в Клубе приветствовали деликатным постукиванием пепельницы или портсигара о стол. – Леди и джентльмены, пользуясь своим положением президента и вытекающими из него полномочиями, я хочу несколько изменить повестку сегодняшнего заседания. Предварительная программа вам известна. Сегодня наше собрание почтил своим присутствием старший инспектор Морсби, став, таким образом, первым представителем Скотленд-Ярда, допущенным на собрания нашего клуба. – Он сделал паузу, пережидая очередную барабанную дробь. – Приглашая инспектора, мы ожидали от него, что, плотно поев и выпив, он размякнет и настолько утратит бдительность, что начнет делиться подробностями уголовных дел, сокрытых им в свое время от прессы...

Под усилившийся аккомпанемент портсигаров Роджер подкрепился глотком бренди и продолжил:

– Однако, господа, должен признаться, что, достаточно хорошо зная инспектора и имея богатый опыт неудачных попыток разговорить его, я изначально не верил в успех этой затеи. Поверьте моему опыту, главный инспектор Морсби ни при каких обстоятельствах не сообщил бы нам ничего такого, что с легким сердцем не отдал бы назавтра в «Дейли курьер». К счастью или к несчастью, дамы и господа, старший инспектор Морсби являет собой образец неподкупности. И вот, перед лицом этой суровой действительности, я взял на себя смелость повернуть течение нашего сегодняшнего заседания в иное русло. Мне в голову пришло соображение, которое, смею надеяться, будет оценено вами по достоинству. В том, что оно не оставит вас равнодушными, я уверен. – Роджер умолк и с Улыбкой оглядел присутствующих.

Старший инспектор Морсби, побагровев от натуги, изо всех сил втянул воздух сквозь снова погасшую сигару.

– Это соображение, – продолжил Роджер, – имеет самое непосредственное отношение к мистеру Грэхему Бендиксу.

За столом начали перешептываться.

– Точнее, – размеренным голосом сообщил Роджер, – к миссис Грэхем Бендикс.

Шепот смолк, и за столом воцарилась мертвая тишина. Роджер выдержал паузу и снова открыл рот:

– Многие из присутствующих лично знакомы с мистером Бендиксом. Я припоминаю, что его имя неоднократно упоминалось на наших собраниях как одна из достойных кандидатур в члены Клуба. Высказывалось мнение, что он в избытке обладает всеми необходимыми для этого качествами. И принадлежало это мнение, если не ошибаюсь, сэру Чарльзу.

Адвокат солидно качнул своим внушительным черепом.

– Да, помнится, я действительно говорил нечто подобное.

– На этом, однако, дело и кончилось, – продолжал Роджер. – Кандидатуру мистера Бендикса мы отклонили, и, признаться, я до сих пор не понимаю, как это вышло. Вероятно, кто-то из действующих членов Клуба воспользовался своим правом вето. Как бы там ни было, уже

один факт, что кандидатура мистера Бендикса не вызвала у нас в свое время решительного отторжения, говорит о том, что и в его жилах течет кровь истинного криминалиста, а значит, постигшая его трагедия не может оставить равнодушными тех, кто его знал, да и тех, кто не был с ним знаком – как, например, я сам – лично.

– Совершенно верно! – воскликнула высокая красивая дама, сидевшая от него справа.

Она говорила с уверенностью, которая достигается привычкой говорить, когда все остальные молчат. Алисия Дэммерс, писательница, обожала всевозможные общества, организации и комитеты, методично посещая любое доступное ей заседание и с неослабевающим интересом выслушивала длинные речи ораторов, поддерживая их по мере необходимости. При этом собственные ее взгляды отступали на второй план, и она с одинаковым энтузиазмом поддерживала и ярых либералов, и убежденных консерваторов.

– В общем, – заключил Роджер, – я предлагаю уделить этому делу самое пристальное внимание.

Роджеру явно удалось удивить собравшихся. Сэр Чарльз приподнял свою седую кустистую бровь. От взгляда, сверкнувшего из под этой брови, свидетели обвинения в суде сразу же начинали ежиться и менять свои показания. Затем сэр Чарльз скосил глаза на нос и раздраженно смахнул с носа золотое пенсне на черной шелковой ленточке. Сидевшая напротив него маленькая пухлая дама наклонилась к мисс Дэммерс и что-то шепнула ей, прикрыв рот ладошкой. Даму звали миссис Филдер-Флемминг. Она писала пьесы исключительно непристойного содержания, пользующиеся, благодаря этому, столь же исключительным успехом, и одевалась, как одевается на праздник прислуга из хорошего дома. Мистер Читтервик, удивительно похожий на ученого козла из сказки, недоумевающе моргал своими голубыми мутными глазками. Невозмутимым остался один только писатель, и то лишь потому, что изо всех сил старался походить на героя своих книг, который в самых критических ситуациях демонстрировал полнейшее хладнокровие.

– Сегодня утром я заглянул в Скотланд-Ярд, – продолжил Роджер. Разумеется, особого восторга моя идея там ни у кого не вызвала, но и препятствовать нам тоже никто не будет. В общем, я получил официальное разрешение на расследование этого дела в частном порядке. Думаю, вам интересно будет узнать, что причиной, по которой я решил заняться этим делом, равно как и причиной, по которой нам это позволили, является то, Роджер сделал паузу и не спеша обвел собравшихся взглядом, – является то, что полиция отказывается от дальнейших поисков убийцы миссис Бендикс.

По комнате пронесся шквал возмущенных возгласов. Шесть пар горящих праведным гневом глаз обратились на Морсби, который, правда, этого не заметил, поскольку, поднеся сигару к уху, напряженно прислушивался, видимо надеясь уловить шорох тлеющего табака.

Роджер поспешно вскинул руку.

– Разумеется, эта информация сугубо конфиденциальна. Прошу вас держать все в строжайшем секрете. Итак... Поскольку проведенный полицией опрос свидетелей не дал ровным счетом никаких результатов, этот путь, мне думается, можно отвергнуть. Разумеется, всегда есть шанс, что неожиданно выяснятся новые подробности, но будем смотреть реальности в лицо: этот шанс абсолютно призрачен. Настолько призрачен, что даже полиция решила прекратить дело. Однако, друзья мои, наш Клуб – не полиция, и я предлагаю продолжить расследование с того самого момента, когда официальные власти от него отказались.

Снова обведя собравшихся взглядом, он с удовлетворением убедился, что скучающих или равнодушных лиц за столом больше нет. Не в силах больше удерживать себя к рамках официального тона, он горячо воскликнул:

– Да неужели же вам самим не интересно докопаться до сути? Здесь ведь не тупицы какие-нибудь собрались... Уж простите меня, Морсби, дружище. Если мы все вшестером займемся этим делом, то быть такого не может, чтобы хоть один да и не напал на след, который

тщетно – чтобы не сказать бездарно – искала полиция. Нет, я в это просто не верю. Сэр Чарльз, слово за вами.

Знаменитый адвокат откашлялся.

– Ну что ж, мистер Шерингэм, идея, конечно, любопытная. Я, однако, воздержусь от более определенных высказываний до тех пор, пока не ознакомлюсь с деталями.

– А по-моему, мистер Шерингэм, – воскликнула миссис Филдер-Флемминг, которую буква закона тревожила куда меньше, – это просто гениальная идея! А давайте начнем прямо сегодня! – Ее круглые щеки зарделись от возбуждения. – Ты как, Алисия?

– Думаю, это может оказаться забавно, – сдержанно улыбнулась писательница.

– Кстати, – с ленцой бросил автор детективных романов, – могу уже предложить исходную версию.

Автора звали Перси Робинсон. Псевдоним Мортон Харроугейт Брэдли, под которым он печатался, так запал в душу наивной американской публике, что издатели, не задумываясь, заплатили ему вперед за три книги разом По каким-то темным причинам американцы ужасно падки на пространные и псевдоблагородные имена.

Мистер Читтервик не проронил ни слова, но его лицо озарила мальчишеская улыбка.

– Отлично, – подытожил Роджер, – значит, договорились. Разумеется, все факты по делу должны быть общим достоянием, но, мне кажется, расследование только выиграет, если каждый займется им в одиночку, независимо от других. Сейчас наш гость изложит известные полиции факты. К сожалению, он имел лишь косвенное отношение к официальному расследованию этого дела, однако сегодня, перед тем как прийти сюда, специально заглянул в архив Скотленд-Ярда и внимательно изучил досье. Уверен, что после его доклада кое у кого из присутствующих уже появятся первые версии, поэтому предлагаю установить недельный срок для изучения фактов и детальной проработки гипотез, в течение этого срока запретить обсуждение любых связанных с этим делом вопросов внутри Клуба. Прощу заметить, что даже если мы и не раскроем преступления (вероятность чего весьма высока), то, по крайней мере, приобретем опыт, которого многим из нас так не хватает: кому в области практики, а кому и в сфере теории. Кроме того, интересно будет посмотреть, насколько далеко мы разойдемся в своих мнениях по одному и тому же вопросу. Итак, леди и джентльмены, позвольте мне поставить вопрос на голосование, или, говоря проще, ребром: вы за или против?

Выпалив все это единым духом, Роджер обессиленно рухнул в кресло. Первой подала голос Алисия Дэммерс.

– Я не совсем поняла насчет фактов, мистер Шерингэм. Мы что же, должны будем отыскивать их где-то сами, или же будем пользоваться сведениями, которые любезно согласился предоставить господин главный инспектор?

– А это уже вам решать, – ухмыльнулся Роджер. – Как говорится, дело вкуса. Собственно, именно это я и имел в виду, когда говорил о практике и теории.

– Ну конечно. У вас-то практики было побольше, чем у других, – надула губки миссис Филдер-Флемминг.

– Меньше, чем у полиции, – коротко возразил Роджер.

– В конце концов, это зависит от метода, – авторитетно заявил мистер Мортон Харроугейт Брэдли. – Если избрать дедуктивный, достаточно будет и фактов, собранных полицией. Возможно, конечно, потребуются уточнить один-два момента, но и только. Индуктивный же метод несомненно потребует серьезной работы по сбору дополнительной информации.

– Совершенно верно, – кивнул Роджер.

– Могу заметить, что дедукция на основе собранных полицией фактов всегда давала неплохие результаты, – сообщил сэр Чарльз Уайлдмен. – Этот способ позволил раскрыть многие крупные преступления. Так что лично я намерен действовать по старинке.

– В этом деле есть одна странность, – задумчиво пробормотал мистер Брэдли, не обращаясь ни к кому в особенности. – Уверен, она-то и окажется ключом к разгадке. Ну конечно, как же я сразу не догадался! Это же все объясняет...

– А я, признаться, даже не знаю, с чего начать, – растерянно проговорил мистер Читтервик, но на него, как всегда, просто не обратили внимания.

– Лично меня это убийство интересует единственно потому, что в нем как будто напрочь отсутствует мотивация, – отчеканила Алисия Дэммерс, ясно давая понять, что, как только она будет обнаружена, дело потеряет для нее всяческий интерес.

– Думаю, вы измените свое мнение, услышав то, что имеет сообщить нам мистер Морсби, – мягко заметил Роджер. – Поверьте, его история сильно отличается от того, что вам известно из прессы.

– Так давайте же наконец предоставим ему слово, – нетерпеливо воскликнул сэр Чарльз.

– Значит, договорились? – Роджер повертел головой и радостно улыбнулся, точно ребенок, получивший в подарок долгожданную игрушку. – Все согласны?

В хоре согласных голосов недоставало только голоса мистера Читтервика, который с тоской спрашивал себя, как его угораздило во все это ввязаться. Он уже прочел огромное количество мемуаров, написанных самыми настоящими сыщиками, которые ходили в котелках и высоких черных сапогах (мемуары эти, появляясь на книжных прилавках по восемнадцать шиллингов и шесть пенсов, немедленно начинали падать в цене, уже через пару месяцев продаваясь по восемнадцать пенсов за штуку), но единственным, что он уяснил из всей этой макулатуры было то, что настоящий сыщик, желая изменить внешность, никогда не станет клеить усов, а просто-напросто сбреет уже имеющиеся. И все равно мистер Читтервик решительно не понимал, каким образом отсутствие усов может способствовать разрешению сколько-нибудь серьезной загадки.

К счастью, и без его голоса шум поднялся изрядный. Выкрики и восклицания стихли только тогда, когда старший инспектор Морсби медленно и неохотно поднялся со своего кресла.

Глава 2

Мучительно краснея, инспектор выждал, когда стихнут аплодисменты и, с благодарностью приняв предложение рассказывать сидя, поспешно плюхнулся в кресло, сразу же почувствовав себя в относительной безопасности. То и дело заглядывая в свои записи, он принялся излагать собравшимся загадочные обстоятельства гибели миссис Бендикс. Его рассказ, за вычетом бесчисленных пауз и отступления, свелся примерно к следующему:

В пятницу пятнадцатого ноября около половины одиннадцатого утра Грэхем Бендикс заглянул в свой излюбленный клуб «Радуга» на Пикадилли и спросил у швейцара почту. Получив у последнего письмо и несколько рекламных проспектов, он прошел в зал и устроился у камина, чтобы в спокойной обстановке просмотреть корреспонденцию. Почти одновременно с ним появился сэр Юстас Пеннфазер, человек уже немолодой и большую часть своего времени проводящий именно в «Радуге». При появлении сэра Юстаса швейцар привычно взглянул на часы, отметив, что тот, как всегда, точен. Была ровно половина одиннадцатого. Именно благодаря показаниям швейцара и удалось установить точное время, когда было совершено преступление.

Сэра Юстаса дожидались три письма и небольшой пакет. Взяв почту, он прошел в зал и устроился у камина неподалеку от мистера Бендикса, небрежно кивнув тому головой, поскольку близко знакомы джентльмены не были и за всю свою жизнь едва ли обменялись десятком слов. Этим утром они оказались в клубе одни.

Повертев в руках письма, сэр Юстас вскрыл пакет и раздраженно фыркнул. Мистер Бендикс выразил умеренный интерес, и сэр Юстас протянул ему находившееся в пакете письмо, мрачно бубня что-то про возмутительность методов современной рекламы. Из всех сил стараясь не улыбнуться (в клубе наотрез отказывались воспринимать сэра Юстаса всерьез), мистер Бендикс прочел письмо. Послание уведомляло о том, что компания «Мейсон и сыновья», мировой лидер в производстве шоколада, только что выпустила новый сорт шоколадных конфет с ликером, позиционированных как «Лакомство для Тонких Ценителей». Уверенные, что сэр Юстас как раз таковым и является, Мейсон и сыновья просили оказать им честь, приняв в дар приложенную к письму коробку конфет стоимостью один фунт, и, откушав их, не отказать в любезности сообщить им свое мнение – каким бы оно ни оказалось – в письменной форме.

– Да за кого они меня принимают? – бушевал сэр Юстас, натура взрывная и холерическая. – Или они думают, я не могу купить себе конфет? Отзыв! Да идут они к чертовой матери со своим отзывом! Я буду жаловаться в правление. Я хочу, чтобы меня оградили от этой гадо-сти раз и навсегда. Хотя бы в своем собственном клубе!

Здесь следует заметить, что клуб «Радуга» был заведением в высшей степени дорогим, престижным и элитарным, ведущим свою родословную от одноименной кофейни, основанной еще в одна тысяча семьсот тридцать четвертом году. Такой преемственности могли бы позавидовать и многие члены королевских фамилий.

– Тон, надо признать, и впрямь довольно дурной, – согласился мистер Бендикс. – Однако эти конфеты мне кое о чем напомнили. Я ведь как раз задолжал жене коробку. Вчера в театре мы поспорили, что она ни за что не угадает убийцу до конца второго акта: коробка шоколадных конфет против сотни сигар. Так вот она, представьте себе, угадала. Кстати, вполне приличная постановка... «Скрипящий череп». Не смотрели?

– Еще не хватало! – взорвался сэр Юстас. – У меня, слава богу, есть дела поважнее, чем смотреть, как размалеванные паяцы палят друг в друга из бутафорских ружей. Так вам, что же, конфеты нужны? Так забирайте эти, глаза б мои на них не глядели.

Фунтом стерлингов больше, фунтом меньше – для мистера Бендикса это не имело ровно никакого значения. Карманных денег, которые при нем были, с лихвой хватило бы на сотню таких коробок. Другое дело, что искать их и, тем более, покупать, ему было решительно лень. – Вы уверены, что они не пригодятся вам самому? – спросил поэтому он.

В ответ сэр Юстас злобно пробурчал себе под нос что-то неразборчивое. Мистер Бендикс разобрал лишь слово «черт», зато разобрал его несколько раз, и, уяснив общий смысл высказывания, поблагодарил сэра Юстаса и забрал роковую коробку.

Тот в сердцах сунул ему заодно сопроводительное письмо, пакет и даже тесемку, которой он был перевязан – случайность тем более счастливая, что минутой раньше он уже бросил в камин конверты от прочитанных писем.

Мистер Бендикс, в свою очередь, всучил все это швейцару, собираясь забрать конфеты чуть позже. Коробку швейцар припрятал, а пакет от нее швырнул в корзину для мусора. Туда же полетело и сопроводительное письмо, которое мистер Бендикс обронил, а швейцар поднял. Позднее все это было благополучно извлечено из корзины полицией как единственные улики, имеющие непосредственное отношение к убийству.

Что касается действующих лиц, самой колоритной фигурой был, вне всякого сомнения, сэр Юстас. В свои неполные пятьдесят лет он удивительно напоминал стареющего фермера: тяжелое красное лицо, мощная приземистая фигура и грубоватые манеры. Сходство усиливалось тем, что с годами у него чудовищно охрип голос, что случается обычно либо от виски, либо от увлечения охотой. В случае сэра Юстаса справедливо было второе, но, если настоящие фермеры тешили себя охотой на лис, сэр Юстас предпочитал гоняться за юбками. Сказать по правде, манеры и стиль жизни сэра Юстаса оставляли желать лучшего. Но, поскольку грешил он с размахом, ему все прощали (исключение составляли несколько обманутых мужей и дватри несчастных отца). Женщины же просто таяли, когда он принимался нашептывать им двусмысленности своим низким и хриплым голосом.

На таком фоне мистер Бендикс выглядел как-то даже невзрачно. Это был высокий, темно-волосый и вполне еще молодой человек лет двадцати восьми, которого можно было бы назвать обаятельным, если бы не его замкнутость и молчаливость. В отношениях с людьми он никогда не выходил за рамки сдержанного, но прохладного дружелюбия.

Его отец, скончавшийся лет пять назад, сколотил крупное состояние, скупая по бросовой цене никому до времени не нужные земельные участки. Мистер Бендикс-старший действовал с дальним прицелом, прекрасно понимая, что когда-нибудь это время придет, и тогда его земля будет стоить в десятки раз больше. «Сиди и жди, когда тебе начнут нести деньги», – было его девизом и, как показало время, девизом мудрым. Теперь его сын мог припеваючи жить на одни проценты с капитала. Следует отдать должное мистеру Бендиксу, он не стал этого делать, а пустил деньги в оборот. Вероятно, азарт был у него в крови, а бизнес, как известно, самая азартная игра на свете. Говорят также, деньги идут к деньгам – в случае мистера Бендикса эта примета работала в полной мере. У него был унаследованный капитал, у него была деловая хватка, позволившая этот капитал Увеличить, и, наконец, у него была богатая жена. Дочь покойного судовладельца из Ливерпуля, она принесла мужу полмиллиона фунтов в качестве приданого. Впрочем, его интересовала именно она, а не ее деньги. Друзья говорили, что он женился бы на ней, даже будь она нищей.

Миссис Бендикс подходила ему идеально. Она была высокой, красивой, образованной и очень серьезной девушкой как раз в том возрасте, когда характер уже окончательно сложился и можно больше не бояться сюрпризов (три года назад, когда они поженились, ей было двадцать пять). Может быть, она была даже немного чересчур серьезной. Впрочем, женившись, мистер Бендикс тоже изрядно остепенился. Люди, хорошо его знавшие, говорили, что он изменился до неузнаваемости. Он провел весьма бурную молодость; разумеется, не миновал и театраль-ных кулис, его имя частенько мелькало в светской хронике рядом с именами веселых особ

сомнительного поведения. Похождений своих мистер Бендикс никогда особенно не скрывал, поскольку никогда их особенно и не стыдился – обычное дело, когда лет еще так мало, а денег уже так много. Все это прекратилось в один день, стоило ему жениться.

Бендикс боготворил свою жену и не скрывал этого. Она отвечала ему со взаимностью, хотя, в силу своего темперамента, возможно, и чуть менее пылко. Одним словом, супруги Бендикс сумели сотворить восьмое чудо света – счастливый брак. И теперь это чудо было разрушено обыкновенной коробкой конфет.

Отдав коробку швейцару, продолжал Морсби, сверяясь со своими записями, мистер Бендикс вернулся в гостиную. Сэр Юстас все еще сидел у камина, погрузившись в «Морнинг пост».

Роджер улыбнулся: разумеется, такой человек, как сэр Юстас, не мог читать ничего иного.

Мистер Бендикс от нечего делать взялся за последний номер «Дейли телеграф». Это был дождливый ноябрьский день, никаких деловых встреч у мистера Бендикса намечено не было, и он провел все утро в клубе, листая журналы и играя в бильярд с такими же скучающими господами. Около половины первого, прихватив с собой конфеты, он отправился к себе домой на Итон-сквер обедать.

Миссис Бендикс, вопреки ожиданиям, оказалась дома, поскольку встреча, на которую она собиралась, сорвалась. После обеда, когда супруги пили кофе в гостиной, мистер Бендикс вспомнил про коробку, принес ее из холла жене и рассказал, каким образом она к нему попала. История очень насмешила миссис Бендикс, хотя она и уверяла в шутку, что муж просто решил на ней сэкономить. Как и любая женщина, миссис Бендикс не устояла перед конфетами и сразу открыла коробку.

– «Кюммель», «Кирш» и «Мараскине», – разочарованно протянула она, быстро перемотав серебряные обертки с красивыми надписями. – И больше ничего. Ни одной новой начинки, Грэхем. Они просто насыпали сюда разных конфет, которые давно уже производят.

– Да? – рассеянно переспросил мистер Бендикс, не очень любивший сладости. – Я, признаться, думал, что все конфеты с ликером одинаковые.

– Хоть бы коробку сделали новую! – недовольно проговорила жена.

– Это же образец, – напомнил ей мистер Бендикс. – Наверное, они еще не успели.

– Уверена, они и на вкус ничем не отличаются от обычных. – заявила его жена, разворачивая «Кюммель». – Хочешь?

– Нет, дорогая, спасибо, – отказался мистер Бендикс. – Ты же знаешь, я не люблю конфет.

– Тем более. Будет тебе наказанием. Сэкономил на них, вот теперь и расплачивайся. Держи!

Она бросила ему конфетку и скорчила недовольную гримаску.

– Ой! Похоже, я ошибалась. Эти совсем другие. Начинка раз в двадцать крепче.

– С чего это они, интересно, так расщедрились? – усмехнулся Бендикс, вспоминая сладкую жижицу, которую «Мейсон и сыновья» упрямо выдавали за ликер.

Он развернул пойманную конфету, положил ее в рот и раскусил, тут же почувствовав не то чтобы неприятное, но вполне ощутимое жжение.

– Ничего себе! – воскликнул он. – Они, что же, спирта туда налили?

– Это, конечно, вряд ли, – отозвалась его жена, разворачивая очередную конфету, – но ликер действительно какой-то очень уж крепкий. Ух ты! Прямо обжигает. Даже не пойму, нравятся они мне или нет. Тебе не кажется, что «Кирш» чересчур отдает миндалем? Попробуй теперь «Мараскине».

Бендикс покорно разжевал еще одну конфету. Она понравилась ему еще меньше, чем первая.

– Забавно, – проговорил он, трогая кончиком языка небо. – у меня даже язык немного онемел.

– У меня тоже так сначала было. А сейчас только пощипывает. И между прочим, что-то я не заметила особой разницы. Они так жгутся, что никакого вкуса не разберешь.

– А по-моему, самая настоящая гадость, – проговорил мистер Бендикс. – На твоём месте я бы их больше не ел.

– Наверное, экспериментальная партия, – вздохнула его жена.

Вскоре мистер Бендикс отправился в Сити на деловую встречу. Когда он уже уходил, жена, задумчиво разглядывавшая очередную конфету, сказала ему, что так обожгла язык, что, наверное, больше уже не будет.

– Мистер Бендикс очень хорошо запомнил эту фразу, – сказал Морсби, обводя собравшихся взглядом, – поскольку это было последнее, что она сказала ему в этой жизни.

Мистер Бендикс вышел из дома между четвертью и половиной третьего. В три он уже был на встрече. Ещё через полчаса, покончив с делами, он взял такси и отправился в клуб выпить чаю.

В такси ему стало настолько плохо, что шофер позвал на помощь швейцара, и уже вдвоем они вывели мистера Бендикса из машины. Оба потом вспоминали, что он был мертвенно-бледен, его глаза остекленели, губы посинели, а на лбу выступила испарина. Тем не менее он был в полном сознании и, оказавшись у дверей клуба, сумел самостоятельно дойти до гостиной, опираясь на руку швейцара.

Напуганный его видом, швейцар хотел было послать за врачом, но мистер Бендикс, не любивший повышенного внимания к своей персоне, категорически запретил, заявив, что он просто съел что-то не то и скоро все пройдет само. Швейцара это, понятно, не успокоило, но врача он вызывать не стал.

Спустя несколько минут мистер Бендикс уже жаловался на свое недомогание сэру Юстасу, который так и сидел в клубе с самого утра.

– Начинаю подозревать, что это все из-за ваших конфет. Уж больно странный у них был вкус. Надо бы позвонить жене – узнать, как она.

Мысль, что он мог оказаться причиной, пусть и косвенной, болезни мистера Бендикса, сэру Юстасу совсем не понравилась. Однако человек он был по природе отзывчивой, а выглядел мистер Бендикс и впрямь скверно. Поэтому сэр Юстас, не колеблясь, вызвался сходить и позвонить миссис Бендикс, поскольку ее муж был явно не в состоянии добраться до телефона. Сэр Юстас уже вставал, когда тело мистера Бендикса, бессильно обмякшее в кресле, вдруг резко выгнулось, пальцы рук изо всех сил вцепились в подлокотники, челюсти сжались, а лицо исказилось в мучительной судороге. От него вдруг резко запахло миндалем.

Сэр Юстас с ужасом понял, что мистер Бендикс умирает, причем умирает прямо у него на глазах. Он дико закричал (такого крика стены клуба не слышали за всю историю его существования), и находившиеся в помещении члены клуба бросились ему на помощь. Один из них побежал за швейцаром, чтобы тот, не медля, искал врача, а остальные вместе с сэром Юстасом остались возле корчившегося в конвульсиях мистера Бендикса, пытаясь хоть как-то облегчить его страдания. В том, что причиной судорог является сильнейшее отравление, никто как будто и не сомневался. Сам мистер Бендикс то ли не слышал обращенных к нему вопросов, то ли был не в состоянии на них ответить. Позже выяснилось, что он попросту был без сознания.

Еще до появления врача позвонил перепуганный лакей Бендиксов, который разыскивал хозяина, чтобы тот поспешил домой, поскольку «хозяйке вдруг стало совсем плохо».

Сцена, разыгравшаяся на Итон-сквере, сильно напоминала произошедшее в клубе, но закончилась гораздо быстрее. После ухода мужа миссис Бендикс еще немного посидела в гостиной и съела не то три, не то четыре конфеты. Затем она поднялась к себе в спальню, позвонила горничной и, когда та явилась, сказала ей, что скверно себя чувствует и немного вздремнет. Точно так же, как и ее муж, она добавила, что, должно быть, съела что-то не то.

Горничная принесла ей подогретое питье с содой и висмутом и, оставив бутылку у постели, ушла. Позже, когда она рассказывала, как выглядела ее хозяйка, симптомы полностью совпали с теми, которые наблюдали швейцар и таксист у мистера Бендикса. К несчастью, в отличие от них, горничную эти явные признаки отравления нисколько не насторожили. С ее собственных слов, она решила, что миссис Бендикс «опять обожралась за обедом, потому, что при всей своей скаредности уж в чем в чем, а в еде она себе никогда не отказывала».

В четверть четвертого по дому разнесся отчаянный звон колокольчика. Пospешив наверх, горничная обнаружила свою хозяйку лежащей на кровати без сознания. Девушка так перепугалась, что потратила еще сколько-то времени, пытаясь привести хозяйку в чувство. Убедившись, что это невозможно, она бросилась звонить семейному врачу Бендиксом. Того не оказалось дома, и у горничной началась истерика. Драгоценное время уходило. Наконец крики горничной услышав лакей и, оценив обстановку, вызвал другого врача. Когда тот приехал, с момента начала припадка прошло более получаса. Спасти миссис Бендикс было уже нельзя. Через десять минут после приезда врача она впала в кому. Когда лакей Бендиксов звонил в «Радугу», она уже была мертва.

Глава 3

На этом месте Морсби прервался, чтобы слушатели могли перевести дух и осмыслить услышанное. Впрочем, до сих пор он не сообщил им ничего такого, о чем они не могли узнать из газет. Их, само собой, больше интересовали результаты официального расследования, о которых в прессу не просочилось ни слова.

Морсби, отлично чувствующавший нетерпение слушателей, не стал затягивать паузу и, улыбнувшись, продолжил рассказ.

– Прошу извинить меня, леди и джентльмены, за то, что я рассказываю факты, которые вам и без того прекрасно известны. Поверьте, это было необходимо для того, чтобы у вас сложилась полная картина случившегося. Итак, все вы знаете, что мистер Бендикс выжил. Во-первых, он съел только две конфеты, в отличие от своей жены, которая проглотила шесть и погибла, и, во-вторых, ему попался хороший врач. Впрочем, в случае с миссис Бендикс от врача уже ничего не зависело. В организм же мистера Бендикса попало значительно меньше яда и отравление развивалось медленнее, благодаря чему у врача было время его спасти. В тот момент, кстати, врач еще не знал, какое именно вещество стало причиной отравления. Исходя из общих симптомов и специфического запаха миндаля, он лечил мистера Бендикса от отравления синильной кислотой, но, поскольку не был полностью уверен в диагнозе, добавил в лекарство некоторые другие противоядия. Вскоре удалось выяснить, что доза яда все-таки не смертельна, а ближе к вечеру мистер Бендикс, которого перенесли в один из номеров клуба, уже пришел в сознание. На следующий день он пошел на поправку.

Поначалу, – продолжал Морсби, – в Скотленд-Ярде создалось впечатление, что смерть миссис Бендикс и тяжелейшее, с угрозой для жизни отравление ее мужа явились результатом чудовищного несчастного случая. Полиция взялась за дело сразу, как только ей было сообщено о смерти женщины, наступившей вследствие отравления ядом. Вслед за тем в клуб «Радуга» прибыл инспектор местной сыскной полиции, и, когда Бендикс пришел в себя, он, получив на то специальное разрешение врача, задал больному ряд вопросов. Инспектор, разумеется, утаил от Бендикса смерть жены – состояние больного оставалось тяжелым. Вопросы касались только самого Бендикса, поскольку было очевидно, что оба случая взаимосвязаны, и если бы удалось пролить свет на обстоятельства отравления мужа, то было бы легче выяснить, при каких обстоятельствах произошло отравление жены. Инспектор без обиняков объявил Бендиксу, что его отравили, и заставил его сосредоточиться и вспомнить, что он ел и в чем, по его мнению, мог содержаться яд. Через короткое время Бендикс вспомнил про шоколадки. Он рассказал, как они жгли рот, и добавил, что он уже говорил сэру Юстасу, что ему стало плохо, по всей видимости, от шоколада. Инспектор об этом уже знал.

Пока Бендикс приходил в себя, инспектор брал показания у людей, которые видели Бендикса и разговаривали с ним, начиная с момента его появления в клубе во второй половине дня. Инспектор побеседовал со швейцаром и попросил своих подчиненных разыскать шофера такси: говорил он и с теми членами клуба, которые были с Бендиксом, когда он, уже почувствовав дурноту, находился в гостиной. Тогда-то сэр Юстас и сообщил инспектору, что сказал Бендикс о шоколадках.

Но в первый момент инспектор не придавал большого значения этим словам. Формальности ради, он попросил сэра Юстаса поподробнее описать весь эпизод, а затем, следуя предписаниям, проверил содержимое мусорной корзины, откуда были извлечены пакет от коробки конфет и сопроводительное письмо фирмы. И опять-таки, соблюдая формальности в ходе первых шагов расследования, еще не очень ясно представляя себе, какое это имеет значение, он обратился с теми же вопросами к Бендиксу, и тот рассказал ему, как они с женой после обеда

ели конфеты и что жена еще до того, как Бендикс ушел из дома, успела съесть больше него. Теперь инспектору было все ясно.

Но тут вмешался врач, и инспектор вынужден был оставить больного. Он тотчас же позвонил коллеге, который в это время работал в доме Бендиксов, и велел ему Немедленно взять в гостиную коробку с шоколадными конфетами, где они, по-видимому, до сих пор находились; одновременно он просил коллегу сосчитать, сколько шоколадок в коробке не доставало. Тот ответил, что девяти или десяти. По словам Бендикса получалось, что должно было не хватать шести или семи. Инспектор тут же позвонил в Скотленд-Ярд и с точностью изложил сведения, которые только что получил.

Теперь все внимание следствия было устремлено на шоколадки. В тот же вечер они были доставлены в Скотленд-Ярд и срочно отправлены в лабораторию на анализ.

Так что врач был недалек от истины – в шоколадках оказался нитробензол, а не масло горького миндаля. Но, как я понимаю, между тем и другим ядом различия почти нет. Леди и джентльмены, кое-кто из вас, возможно, изучал химию и знает достаточно о химикатах, а поэтому вам должно быть лучше известно, что этот химикат иногда используется в производстве дешевых кондитерских изделий (хотя последнее время реже), в которых необходим привкус миндаля. Он заменяет масло горького миндаля, которое – стоит ли об этом вам говорить – тоже является сильнодействующим ядом. В промышленности нитробензол обычно применяется в производстве анилиновых красителей.

Получив предварительный результат анализа, – продолжал Морсби, – в Скотленд-Ярде утвердились в правильности первоначальной версии, что причиной смерти женщины явился несчастный случай. Точно было установлено, что отравление произошло ядом, используемым в производстве шоколадных конфет и других кондитерских изделий. По всей вероятности, была совершена страшная технологическая ошибка. Заключалась ошибка в том, что, используя это вещество в малых дозах в качестве заменителя натуральных ликеров, фирма переусердствовала в дозе. Предположение было подтверждено фактом. Дело в том, что все три вида конфет: «Мараскине», «Кюммель» и «Кирш» в той или иной степени имеют привкус миндаля.

Но прежде чем полиция занялась фирмой, приславшей шоколад, с целью получить объяснения по делу, всплыли и некоторые другие факты. Было обнаружено, что только верхний слой конфет содержал яд. Шоколадки в нижних слоях коробки яда не содержали. Более того, ликерная начинка в каждой шоколадке нижних слоев строго соответствовала надписи на серебряной обертке, тогда как в верхнем слое, помимо яда, каждая конфетка содержала смесь всех трех вышеназванных ликеров. То есть ни в одной шоколадке, обозначенной, например, «Мараскине», не содержался только один этот ликер плюс яд. Интересно и то, что в нижних слоях коробки шоколадок с надписями «Мараскине», «Кирш» и «Кюммель» вообще не было.

Более подробная химическая экспертиза выявила и другой интересный факт. Каждая конфета в верхнем слое, кроме смеси трех ликеров, содержала ровно шесть единиц нитробензола, не больше и не меньше. Полость конфеты вмещала достаточное количество ликерной смеси, оставляя место для определенного количества ядовитого вещества. Это говорило о многом. Еще красноречивее был тот факт, что в доньшке каждой отравленной конфеты удалось обнаружить следы просверленных отверстий, которые потом были залеплены растаявшей шоколадной крошкой.

В конце концов полиции стало ясно, что они имеют дело с тяжким преступлением.

Судя по всему, покушались на жизнь сэра Юстаса Пэннфазера. С этой целью убийца купил коробку шоколада с ликером фирмы «Мейсон и сыновья»; из всех шоколадок в коробке выбрал шоколадки с ликерами, которые имели привкус миндаля, чтобы ввести в заблуждение свою будущую жертву; просверлил дырочку в каждой шоколадке и освободил ее полость от начинки; ввел в отверстие, возможно пипеткой для авторучек яд, причем равное количество в каждую шоколадку; добавил в полость смесь из ликерной вытяжки; тщательно заделал дырочку

и снова завернул шоколадки в серебряную обертку. Скрупулезнейший труд, тончайшим образом выполненный.

Теперь на первый план выплыли такие вещественные улики, как пакет, в котором коробка была доставлена в клуб, и вложенное в него письмо. Так что инспектор, который в свое время сообразил извлечь и то и другое из мусорной корзины, мог себя мысленно поздравить. Потому что вместе с коробкой и оставшимися шоколадками полиция получила единственные три улики, которые должны были фигурировать как вещественное доказательство в намечавшемся деле о преднамеренном убийстве.

Старший инспектор, отныне самолично ведущий дело, прихватил с собой весь вещественный материал и явился к директору фирмы «Мейсон и сыновья». Не сообщая последнему ни об обстоятельствах дела, ни о том, как в полицию попали эти предметы, он положил письмо на стол перед директором и попросил дать объяснения касательно некоторых вопросов, связанных с письмом. Например, он спросил директора, сколько подобных писем было разослано, знает ли кто-нибудь об этом письме и через чьи руки могла быть отправлена коробка, предназначавшаяся для сэра Юстаса.

Полиция наверняка рассчитывала удивить мистера Мейсона. Но результат получился совсем обратный – мистер Мейсон сам не то что удивил, он прямо-таки привел полицию в замешательство.

– Ну, так что вы на это скажете, сэр? – Старшему инспектору стало казаться, что мистер Мейсон будет разглядывать письмо целый день.

Мистер Мейсон оторвался от письма и навел линзы своих очков прямо на старшего инспектора. Он был маленький, довольно злобный старикашка, который провел детство в трущобах Хаддерсфилда и не хотел, чтобы кто-нибудь об этом забывал.

– Откуда у вас эта хреновина? – наконец спросил он. Следует учесть, что пресса тогда еще не успела разнюхать о сенсационном характере смерти миссис Бендикс.

– Я прибыл к вам, – ответил старший инспектор с достоинством, – чтобы спросить, кто отсылал это письмо, а не для того, чтобы удовлетворить ваше любопытство, рассказав, как оно ко мне попало.

– Тогда катитесь к дьяволу, – решительно отрезал мистер Мейсон. – Вместе со своим Скотленд-Ярдом, – добавил он после некоторого размышления.

– Предупреждаю вас, сэр, – напустив на себя важность, чтобы старик не заметил его замешательства, строго произнес старший инспектор, предупреждая, что ваш отказ отвечать на мои вопросы может повлечь за собой серьезные для вас последствия.

Но угроза, таившаяся в словах полицейского, не только не напугала мистера Мейсона, она привела его в еще большую ярость.

– А ну шлепай из моей конторы, – ответил он на своем родном диалекте. Ты что, пьяный? Или так, валяешь дурака? Мы таких писем сроду не посылали, так что отваливай.

Вот тогда-то старший инспектор и удивился всерьез.

– Не посылали? Ваша фирма не посылала этого письма? – он был потрясен. Такое и в голову прийти не могло. – Что же, оно – фальшивое?

– А я толкую о чем? – огрызнулся старик, злобно уставившись на старшего инспектора из-под нависших бровей. Но ошеломленный вид полицейского его немного смягчил.

– Сэр, я вынужден попросить вас как можно полнее ответить на мои вопросы. Я расследую дело об убийстве, – полицейский помолчал, обдумывая, чем пронять старика – Беда в том, что убийца, чтобы прикрыть свое злодеяние воспользовался добрым именем вашей фирмы.

Довод действительно возымел действие.

– Ух и прохвост, истинный дьявол! – завопил старик. – Провалиться ему, душегубу! Давай, парень, спрашивай, о чем только хочешь, все как есть выложу.

Контакт таким образом был установлен, и старший инспектор принялся за работу.

Дальше с каждой минутой настроение его падало и падало. Дело, которое не стоило выведенного яйца, усложнялось и усложнялось. Он понимал, что предстоит очень трудная работа. Раньше он полагал (и его начальство было с ним согласно), что преступление было совершено по злому побуждению. Например, кто-то в фирме «Мейсон» мог затаить обиду против сэра Юстаса. В его (а скорее всего, как решил старший инспектор, – в ее) руки попала коробка конфет и письмо, ему адресованное. Возможность представилась сама собой, средством был избран нитробензол, которого на фабрике хватало, только протяни руку, затем последовал результат. В этом случае преступника можно было бы выследить с легкостью.

Теперь же обнаруживалось, что с этой симпатичной версией придется распрощаться. Во-первых, потому, что фирма письма не посылала; во-вторых, никакого нового сорта шоколадных конфет фирма не выпускала, а если это имело место ранее, то рассылка образцов по частным адресам не практиковалась, и письмо, следовательно, было чистой подделкой. Но, с другой стороны, бланк фирмы (последний аргумент в пользу прежней версии), на котором кто-то напечатал письмо, по утверждению старика, был подлинным. Точно он сказать не мог, но был почти уверен, что бланк был из старых запасов, которые уже полгода как кончились. Название фирмы могло быть подделано, но он в этом сомневался.

– Полгода назад? – Инспектор был озадачен.

– Около того, – подтвердил старик и вытащил из конторки листок бумаги. Теперь в ходу такие.

Инспектор рассмотрел новый бланк. Разница была очевидна. Бумага была тоньше и больше блестела. Но штамп фирмы выглядел так же, как на старом бланке. Инспектор записал адрес типографии, в которой печатались бланки.

К несчастью, в фирме старых бланков не осталось. Мистер Мейсон все перерыл, но не обнаружил ни одного.

– Должен вам сказать, – рассуждал Морсби, сидя в удобном кресле в обществе членов Клуба криминалистов, – до этого мы установили, что бланк, на котором было напечатано письмо, не из новых, о чем свидетельствуют пожелтевшие края. Сейчас я передам его по кругу, и вы все сможете в этом удостовериться. Только прошу обращаться с ним поаккуратнее.

Листок бумаги, которого касалась рука убийцы, пошел по кругу, переходя от одного будущего сыщика к другому.

– Короче говоря, – продолжал Морсби, – мы обратились в типографию Вэбстера на Фрит-стрит, где бланк был тщательно изучен работниками типографии, после чего они готовы были поклясться, что это их печать. Значит, бланк настоящий, не поддельный, а это усложняет дело.

– Вы хотите сказать, – решил высказать свое веское мнение сэр Чарльз, что, будь название фирмы скопировано другой типографией, фальсификатора можно было бы сравнительно легко обнаружить?

– Совершенно верно, сэр Чарльз. В том случае, если это не маленькая частная типография. Но и ее можно было бы выявить. Однако при создавшемся положении единственное, что мы можем предположить, – это то, что убийцей является лицо, которое имело доступ к мейсоновским бланкам полгода назад. Сами понимаете, таких лиц необъятное множество.

– Вы считаете, что бланк был выкраден с намерением использовать его так, как он был использован? – спросила Алисия Дэммерс.

– Именно так, мадам. Но что-то задержало убийцу на полгода, или он выжидал.

Что касается пакета, в котором коробка была доставлена, то тут мистер Мейсон ничего не мог прояснить. Пакет был из обыкновенной тонкой коричневой бумаги, какую можно купить в любом магазине; на лицевой стороне пакета большими печатными буквами аккуратно были выведены имя и фамилия сэра Юстаса и его адрес. Из этого ровно ничего полезного для следствия извлечь было нельзя. На почтовой марке значилось, что пакет был отправлен из почтового отделения на Саутгэмптон-стрит, в Стрэнде, в девять тридцать вечера.

– Почту вынимают из ящика в восемь тридцать и затем в девять тридцать, – объяснил Морсби. – Следовательно но, пакет был опущен в этот промежуток времени. По размеру он был невелик и вполне пролезал в щель для писем. Стоимость марки соответствует роду корреспонденции. Почта в это время уже была закрыта, поэтому через служащего почты, принимающего письма, пакет не мог быть отправлен. Пожалуйста, можете на него взглянуть, если вам интересно.

Пакет из коричневой бумаги пошел по рукам вслед за письмом.

– Вы не захватили с собой коробочку с уцелевшими шоколадками? – спросила миссис Филдер-Флемминг.

– Нет, мадам. Коробка была самая обыкновенная, мейсоновская, а шоколадки все до одной пошли на экспертизу.

– Ах, как жаль! – огорчилась миссис Филдер-Флемминг. – Я подумала, на них могли остаться отпечатки пальцев.

– Мы уже собрали отпечатки пальцев, – не дрогнул Морсби.

Пока все с мрачным видом разглядывали пакет, в комнате царило молчание.

– Естественно, мы попытались выяснить, не заметил ли кто из прохожих человека, опустившего пакет в почтовый ящик на Саутгэмптон-стрит между восемью тридцатью и девятью тридцатью вечера, – продолжал Морсби, – но безрезультатно. Кроме того, мы попытались деликатно выяснить у самого сэра Юстаса, могло ли кому-то понадобиться лишить его жизни и кто мог быть тот человек. Сэр Юстас сказал, что не имеет ни малейшего понятия. Конечно, как положено в делах такого рода, мы начали с вопроса: кому была бы на руку смерть сэра Юстаса? Но путного ответа так и не получили. Большая часть его имущества должна отойти его жене, возбудившей против него бракоразводное дело. Но ее в настоящее время нет в стране. Мы проверили ее местонахождение, и она как подозреваемое лицо полностью отпадает. Уж не говоря о том, что она очень милая женщина.

Последняя фраза Морсби прозвучала как-то совсем не профессионально.

– Что же касается фактов, – подвел он итог, – то нам известно лишь следующее: шесть месяцев назад убийца имел связь с фирмой «Мейсон и сыновья» и находился вечером за день до убийства между половиной девятого и половиной десятого на Саутгэмптон-стрит. И все. Боюсь, мы зашли в тупик.

Морсби не стал добавлять, что в таком же тупике оказались и члены Клуба криминалистов, сидевшие вокруг него, но он явно это подразумевал.

Все молчали.

– И это все? – спросил наконец Роджер.

– Все, мистер Шерингэм, – ответил Морсби.

Снова молчание.

– Я полагаю, полиция должна иметь свою версию, или, может быть, я не прав? – равнодушно, как бы ни к кому не обращаясь, заметил мистер Мортон Харроугейт Брэдли.

Морсби молчал, размышляя о чем-то своем.

– Ладно уж, Морсби, выкладывайте, – подбодрил его Роджер. – Совсем простая версия. Она мне уже известна.

– Ну хорошо, – сказал Морсби, воодушевляясь. – Мы склонны думать, что преступление – дело рук сумасшедшего или какого-нибудь душевнобольного, которого сэр Юстас, возможно, и не знает. Видите ли... – на лице Морсби отразилось некоторое замешательство. – Видите ли... – продолжал он, собравшись с духом, – сэр Юстас ведет такой образ жизни... как бы это сказать – вызывающий, прошу прощения за резкое слово. Мы в Скотленд-Ярде пришли к заключению, что с ним решил свести счеты какой-нибудь маньяк на религиозной или на политической почве, чтобы избавить от него мир. Как вам известно, некоторые истории такого рода нашумели в обществе. Или это просто душевнобольной, одержимый маниакальной

идеей убивать людей на расстоянии, такие бывают. Вспомните дело Хорвуда, например. Известный безумец послал отравленные шоколадные конфеты самому комиссару полиции. Дело привлекло большое внимание публики. Нам думается, что данный случай является аналогичным делу Хорвуда. Часто какое-то выдающееся дело становится прототипом преступления, которое повторяет все его эпизоды. Я полагаю, вы это и без меня хорошо знаете. Такова наша версия. И если она соответствует действительности, полиция имеет те же шансы заполучить преступника, что и... что и...

– Что и мы, – подсказал Роджер.

Глава 4

Морсби ушел, а заседание Клуба продолжалось. Было что обсудить. Каждый в разнообразных вариантах выдвигал свои соображения, предположения, версии.

Но в одном все были единодушны: полиция ведет расследование в ложном направлении. Версия, которую поддерживает полиция, по всей вероятности, ошибочна, убийство не было случайным поступком случайного сумасшедшего. Кто-то с большой методичностью подготовил уход сэра Юстаса из этой жизни, причем был движим совершенно четким мотивом. Как все случаи, связанные с убийством, и этот требовал *cherchez le motif*, то есть надо было выявить мотив преступления.

Пока члены Клуба горячо обсуждали свои разнообразные версии, Роджер уверенно вел собрание, по мере необходимости смягчая острые углы. Суть эксперимента, не раз возвращался он к своей мысли, в том, чтобы каждый вел расследование самостоятельно, опираясь только на собственную интуицию, не используя чужих догадок, с тем чтобы в конце концов сформировать свою версию, которую затем и должен был обосновать.

– Позвольте, а разве нам не следует обмениваться теми свежими сведениями, которые может добыть каждый из нас, мистер Шерингэм? – пробасил сэр Чарльз. – Я бы со своей стороны предложил, не в ущерб самостоятельным усилиям, сразу выносить новенькие факты на всеобщее обсуждение. Это давало бы пищу для ума и не носило бы характер скучного состязания на звание лучшего сыщика.

– Несомненно, ваша точка зрения имеет свои достоинства, сэр Чарльз, – согласился с ним Роджер. – Я и сам немало размышлял по этому поводу. Но мне кажется, что было бы лучше, если бы каждый из нас держал обнаруженные им новые факты пока в тайне – прямо начиная с сегодняшнего вечера. Видите ли, в нашем распоряжении решительно все факты, которые удалось собрать полиции. Вряд ли мы обнаружим что-то существенное, что наведет нас на след преступника, скорее всего так, две-три незначительные подробности, зато они помогут любому, кто их обнаружит, построить интересную версию, а в этом и есть суть нашей задачи.

Сэр Чарльз хмыкнул, выражая свое сомнение.

– Я бы предложил поставить вопрос на голосование, – внушительно произнес Роджер.

Состоялось голосование. Сэр Чарльз и миссис Филдер-Флемминг голосовали за то, чтобы новые факты сразу становились предметом обсуждения в Клубе; мистер Брэдли, Алисия Дэммерс, мистер Читтервик (после долгих колебаний) и Роджер голосовали против.

– Итак, решено, что новые факты держим в тайне, – подытожил Роджер и мысленно засек, кто за какое предложение голосовал. Он был склонен полагать, что голосование в данном случае показывало отношение к делу, то есть кто намерен ограничиться чистым теоретизированием, а кто всерьез захвачен игрой и на самом деле собирался заняться расследованием. И еще это могло свидетельствовать о том, у кого версия уже в голове, а у кого она еще не сложилась.

Сэр Чарльз с покорностью принял результат голосования.

– Значит, у всех сейчас по нулям, – констатировал он.

– Начиная с момента, когда мы выйдем за порог этой комнаты, – уточнил Мортон Харроугейт Брэдли, поправляя замысловато завязанный узел своего галстука. – Но я согласен с сэром Чарльзом в том отношении, что если у кого-то из нас есть сведения, которые можно добавить к тому, что сообщил нам старший инспектор, то он волен сейчас это сделать.

– А они есть у кого-нибудь? – поинтересовалась миссис Филдер-Флемминг.

– Сэр Чарльз знает мистера и миссис Бендикс, – бесстрастно заметила Алисия Дэммерс, – и сэра Юстаса тоже. Ну и я, конечно, знакома с сэром Юстасом.

Роджер усмехнулся. Он узнал излюбленный стиль мисс Дэммерс – топить в многословии пустоватую мысль. Всем было известно, что миссис Дэммерс была единственной, кто

отверг (по слухам) домогательства сэра Юстаса Пеннфазера. Однажды ему взбрело в голову пополнить коллекцию дам, потерявших из-за него голову, еще одной интеллектуалкой, какой слыла Алисия Дэммерс. Это внесло бы известное разнообразие в его коллекцию, состоявшую из женщин, которых интеллектуалками не назовешь. Привлекательная, высокая, стройная, всегда безукоризненно одетая, Алисия Дэммерс вполне отвечала его изощренному вкусу. И он совершенно серьезно намерен был ее покорить.

Многочисленные друзья мисс Дэммерс очень развлекаясь этой историей, ожидая, что из нее выйдет. Мисс Дэммерс, казалось, готова была пасть жертвой сэра Юстаса. Казалось она вот-вот поддастся его чарам. Они обедали вместе, ужинали, ездили в гости и на прогулку, и так без конца. Сэр Юстас в предвкушении близкой победы был изобретателен и оболстителен.

И вдруг она неожиданно хладнокровно дает ему отставку, и вскоре выпускает книгу, в которой разделяется с сэром Юстасом так, как может это сделать только анатом, препарируя, расчлняя мерзкопакастное насекомое. Ее книга представила сэра Юстаса миру во всей его душевной гнусности.

Мисс Дэммерс не нуждалась в доказательствах своей популярности – она никогда не распространялась о своем писательском даре, хотя в самом деле была блистательным прозаиком. Она не скрывала, что для нее в жизни не существует ничего (включая пылкие чувства какого-то там сэра Юстаса), что она не возложила бы на алтарь своего призвания, по сравнению с которым все остальное просто не имело значения.

– Мистер и миссис Бендикс стали жертвами преступления по чистой случайности, замысел убийцы на них не распространялся, – обратился мистер Брэдли к мисс Дэммерс ласковым тоном взрослого, который объясняет ребенку, что за буквой «А» в алфавите следует буква «Б». – Насколько мне известно, сэра Юстаса и Бендикса связывало только то, что оба они члены клуба «Радуга».

– Я думаю, мне не обязательно высказывать свое мнение о сэре Юстасе, – заметила мисс Дэммерс. – Те из вас, кто читал «Плоть и дьявол», знают о моем к нему отношении, и у меня нет оснований считать, что с того времени, как я перестала его наблюдать, он изменился в лучшую сторону. Но я могу ошибаться. Хотелось бы выслушать мнение сэра Чарльза. Интересно, совпадает оно с моим или нет.

Сэр Чарльз не читал «Плоть и дьявола» и поэтому слегка растерялся.

– Видите ли, вряд ли я могу добавить что-нибудь к тому, что сообщил о нем старший инспектор. Я едва с ним знаком и не испытываю желания познакомиться ближе.

Ни один мускул не дрогнул на лицах присутствующих. Совсем недавно все только и говорили о том, что единственная дочь сэра Чарльза должна была обручиться с сэром Юстасом и что сам сэр Чарльз относился к помолвке дочери без видимого удовольствия. Потом пошли слухи, что с объявлением о помолвке поспешили, потому что на следующий день она была официально отменена.

Сэр Чарльз старался выглядеть столь же невозмутимо, как и остальные.

– Старший инспектор намекнул на дурную репутацию сэра Юстаса. Некоторые даже называют его дьяволом. Женщины преимущественно, – бросил он словно вскользь. – И злоупотребляет алкоголем, – добавил он.

Было очевидно, сэр Чарльз дурного мнения о сэре Юстасе Пеннфазере и не скрывает этого.

– Я могу присовокупить еще одну небольшую деталь чисто психологического свойства, – вмешалась Алисия Дэммерс. – Деталь, которая показывает его как человека абсолютно бесчувственного. Только что произошла трагедия, а уже ходят слухи, что его видели с новой дамой. Меня это так удивило, – сухо присовокупила она. – Мне казалось, что страшная ошибка, из-за которой погиб другой человек, а, на его счастье, не он сам, могла бы как-то отрезвляюще подействовать на него, пусть даже миссис Бендикс была ему совсем неизвестным человеком.

– Да, кстати, мне бы следовало раньше прояснить это обстоятельство, – продолжил сэр Чарльз. – Миссис Бендикс отнюдь не была неизвестным для него человеком, он был ей представлен, хотя, возможно, и забыл об этом. Они были знакомы. Однажды на премьере (не помню, какой пьесы) в антракте я беседовал с миссис Бендикс, и к нам подошел сэр Юстас. Я их познакомил, сказав что-то в том смысле, что Бендикс тоже член клуба «Радуга». Подумать только, чуть не забыл. Что касается Бендикса, – заметил сэр Чарльз с сомнением в голосе, то ничего нового к тому, что вам о нем известно, добавить не могу. Вполне приличный, солидный человек. Совсем не потерял голову из-за своего богатства, а он очень богат. Женат на очаровательной женщине. Единственный ее недостаток – уж слишком серьезна. Из тех женщин, которые любят заседать в разных комитетах. Однако это ее не портит.

– Я бы сказала, совсем напротив, – вставила мисс Дэммерс, которая сама любила заседать в комитетах.

– Да-да, вы правы, – поспешил исправить свою оплошность сэр Чарльз, вспомнив о непонятных для него пристрастиях самой мисс Дэммерс. – Но, как позже оказалось, с ее стороны несерьезно было заключать пари, да и пари-то пустяковое.

– Она заключила и другое пари, от самой себя в тайне, – в торжественном ритме проговорила миссис Филдер-Флемминг, которая уже проигрывала интригу своей будущей драмы. – И совсем не пустяковое пари. Роковое. С самой смертью. И она его проиграла.

Миссис Филдер-Флемминг, к несчастью, была склонна вносить драматическую ноту в самую обыкновенную жизнь, что не вполне сочеталось с ее внешностью поварахи.

Она исподтишка поглядывала на мисс Дэммерс, раздумывая над тем, успеет ли она состряпать пьесу до того, как эта дамочка перебежит ей дорогу со своей новой книгой на ту же тему.

Роджер, воспользовавшись своим положением председателя, попытался вернуть разговор в деловое русло.

– Да-да, бедная женщина. Но, однако, давайте не путаться в главном. Конечно нелегко согласиться, что жертва, так сказать, не имеет ни малейшего отношения к преступлению, но это так. По чудовищной случайности погиб совсем не тот человек. Нам же надо сконцентрировать все внимание на сэре Юстасе. Итак, знает ли сэра Юстаса еще кто-нибудь из присутствующих, или что-нибудь дополнительное о нем, или что-то, имеющее непосредственное отношение к преступлению?

Нет, никто ничего не знал.

– Тогда мы все в равном положении. А теперь договоримся о нашей следующей встрече. Я предлагаю посвятить всю неделю разработке версий и проведению дополнительных исследований, какие каждый из нас сочтет нужным. По истечении недели, начиная с понедельника, мы будем встречаться каждый вечер. А теперь бросим жребий, чтобы определить, в какой очередности мы будем докладывать о результатах наших исследований. Или, может быть, одного докладчика мало на один вечер? Но это – как вы сочтете нужным.

Быстро решили снова встретиться в следующий понедельник, ровно через неделю, а чтобы обсуждение проходило серьезно, каждый вечер пусть выступает только один докладчик. Жеребьевка определила порядок докладов: первый – сэр Чарльз, вторая – миссис Филдер-Флемминг, третий – мистер Мортон Харроугейт Брэдли, четвертый – Роджер Шерингэм, пятая – Алисия Дэммерс и шестой – мистер Эмброуз Читтервик.

Мистер Читтервик заметно повеселел, когда его имя было произнесено последним в списке.

– Может, к тому времени, – шепнул он на ухо Мортону Харроугейту, – кто-нибудь уже раскроет преступление и мне не надо будет докладывать о своих заключениях. Если я вообще могу, – смущенно прибавил он, – делать заключения. Скажите, а вот с чего надо начинать расследование, как вообще это делается?

Мистер Брэдли снисходительно улыбнулся и пообещал мистеру Читтервику дать почитать одну из своих книг.

Мистер Читтервик был от души благодарен, но он уже перечитал все книги мистера Брэдли, и многие из них стояли на полке в его книжном шкафу.

Под конец миссис Филдер-Флемминг не преминула снова внести мелодраматическую ноту.

– Жизнь действительно непостижимая вещь, – вздохнула она, обращаясь через стол к сэру Чарльзу. – Представьте себе, я видела миссис Бендикс и ее мужа в «Имперiale», в их ложе, всего за день до ее кончины. Я хорошо их знала в лицо, они часто бывали у меня на премьерах. Мое место было в ложе прямо под ними. Воистину любой художественный вымысел бледнеет перед тем, что иногда подстраивает сама жизнь. Если бы в ту минуту меня озарило прозрение и я бы увидела страшную тень, нависшую над нею, я бы...

– У вас достало б ума сказать ей, чтобы она, раскрыв коробку с шоколадом, тотчас унесла ноги, – закончил ее мысль сэр Чарльз, отношение которого к миссис Филдер-Флемминг никак не менялось в лучшую сторону.

Все разошлись.

Роджер вернулся к себе домой в Олбани чрезвычайно довольный собой. Он предвидел, что все в этом деле, до мельчайших подробностей, должно быть очень любопытным, впрочем как и вся история в целом.

Он рвался в бой. Правда, ему не повезло в жеребьевке. Он бы предпочел оказаться на месте мистера Читтервика. Тогда у него была бы возможность узнать результаты, полученные остальными, прежде чем доложить о своих. Нет, он вовсе не собирался поживиться плодами чужого ума; у него так же, как у мистера Брэдли, уже сложилась своя версия в голове. Просто было бы приятнее, прежде чем выйти со своей версией, выслушать, взвесить и, может быть, слегка покритиковать то, что скажут сэр Чарльз, мистер Брэдли и особенно Алисия Дэммерс (Роджер считал их лучшими умами Клуба). Из всех преступлений, которые когда-либо привлекали его внимание, это, пожалуй, действительно его захватило.

К своему изумлению, Роджер у себя дома застал Морсби который ждал его в гостиной.

– А, мистер Шерингэм, – приветствовал Роджера этот бдительный полицейский чин. – Я подумал, что вы не будете против, если я вас здесь подожду. Хотелось поговорить. Вы ведь не собирались тут же отправляться спать?

– Вовсе нет, – сказал Роджер, мешая виски с содовой. – Столько достаточно?

Морсби скромно отвел глаза.

Они расположились в огромных кожаных креслах у камина, и тогда только Морсби приступил к делу.

– Между прочим, мистер Шерингэм, мой начальник поручил мне, конечно неофициально, последить за тем, как вы с друзьями будете вести это дело. Не потому, что мы вам не доверяем, или считаем, что вы в своем рвении слишком далеко зайдете, или еще что-нибудь, но все-таки для нас было бы спокойнее держать вас в поле зрения, имея в виду такой приток сыщиков-любителей.

– Для того чтобы оказаться тут как тут, если кто-то из нас обнаружит что-то существенное для дела, и – это использовать, – улыбнулся Роджер. – Что ж, мне понятна официальная точка зрения.

– Для того чтобы, вмешавшись вовремя, помешать вам вспугнуть птичку, – с упреком поправил его Морсби. – Не более того, мистер Шерингэм.

– Разве? – сказал Роджер, не скрывая своего скептицизма. – Но на самом деле вы ведь не думаете, что нам понадобится ваше благородное вмешательство, не так ли, Морсби?

– Честно говоря, нет. У нас вообще не принято бросать дело, если мы считаем, что остается хоть один шанс найти преступника. Инспектор сыскного отдела Фаррар, который этим делом занимался, очень неглупый человек.

– Так это его версия, что убийство было совершено душевнобольным, выследить которого совершенно невозможно?

– К этому мнению его привели факты, сэр. Ну а вы, конечно, в вашем Клубе можете вдоволь наиграться, ради собственной забавы, почему бы нет? – великодушно прибавил Морсби. – Раз есть желание и некуда девать время.

– Ну ладно, ладно, – сказал Роджер, стараясь не заводиться.

Некоторое время они сидели молча, покуривая трубки.

– Ладно уж вам, Морсби, – Роджер был добродушен.

Старший инспектор повернулся к Роджеру. В глазах его было искреннее удивление.

– Что такое, сэр?

Роджер завертел головой.

– Не темните, Морсби. Так не пойдет. Давайте, давайте... Выкладывайте.

– Что выкладывать, мистер Шерингэм? – Морсби изобразил наивное недоумение.

– Выкладывайте, зачем вы сюда пришли, – произнес Роджер язвительным тоном. – Хотели что-то выудить у меня в пользу вашего бездарного ведомства? Правильно? Предупреждаю, на этот раз не выйдет. Теперь-то я вас получше знаю, чем полтора года назад, в Ладмауте. Помните это.

– Я просто не понимаю, как вам могло прийти в голову нечто подобное, сэр! – У старшего инспектора Скотленд-Ярда Морсби от обиды перехватило дыхание. – Я пришел потому, что подумал, а вдруг у вас есть вопросы и я бы смог вам намекнуть, как действовать, чтобы изловить преступника раньше ваших друзей. Вот и все.

Роджер рассмеялся:

– Морсби, вы мне нравитесь. Вы просто путеводная звезда в глубокой ночи. Вам, наверное, удастся даже убедить воров, которых вы бросаете за решетку, что для вас это такое же непоправимое несчастье, как и для них. И не удивлюсь, если они вам верят. Ну что же, если вы действительно пришли ради того, чтобы мне помочь, я позволю себе несколько вопросов, и буду вам только признателен, если поможете. Скажите мне тогда вот что. Кто, по-вашему, покушался на жизнь сэра Юстаса Пеннфазера?

Морсби отхлебнул виски с содовой.

– Вы же знаете, что я это знаю, сэр.

– Абсолютно не знаю, – возразил Роджер. – Я знаю лишь, что только что вы сказали, что знаете.

– Не я же вел дело, – ускользал от Роджера Морсби.

– Кто, по вашему мнению, пытался убить сэра Юстаса Пеннфазера? – терпеливо допытывался Роджер. – И ответьте мне: считаете ли вы, что официальная версия, которую поддерживает полиция, верна? Или вы считаете, что она ошибочна?

Теперь, когда Роджер загнал его в угол, Морсби решил позволить себе хоть раз в жизни высказать свою точку зрения, пренебрегая официальными установками. Он спрятал улыбку, вызванную какой-то тайной мыслью, и медленно делая ударение на каждом слове, заговорил:

– Мистер Шерингэм, послушайте меня. Наша версия всех устраивает, разве нет? То есть благодаря этой версии с нас снимается всякая ответственность за нераскрытое преступление. Мы не виноваты в том, что убийца не найден. Мы совсем не обязаны знать всех придурков в королевстве, у которых могут возникать маниакальные позывы к убийству. Наша версия будет изложена на заключительном слушании дела в присутствии коронера и жюри. Оно состоится через две недели. Разумеется, версия будет подкреплена доказательствами и свидетельскими показаниями, свидетели покажут что надо в пользу версии, других свидетелей не будет, и коро-

нер будет согласен, и жюри будет согласно, и прессе ничего не останется, как принять пашу версию. И все сойдутся на том, что в данном случае нельзя винить полицию за нераскрытое преступление, – убийцу поймать невозможно. И все будут довольны.

– Кроме мистера Бендикса, которому не суждено будет дожидаться возмездия преступнику, лишившему его жену жизни, – прибавил Роджер. – Вы, Морсби, я вижу, исполнены сарказма. Из всего этого я могу заключить, что вы остаетесь в стороне от этого любовного и всех устраивающего соглашения. Уж не считаете ли вы, что ваши люди провалили дело?

Последний вопрос был задан так же резко и неожиданно, как предшествующие, и у Морсби не хватило времени вспомнить об осторожности.

– Нет, мистер Шерингэм, я не думаю этого. Фаррар способный полицейский, он горы сдвинет, если надо. То есть если можно. – Морсби многозначительно помолчал.

– А! – вырвалось у Роджера.

Морсби поудобнее уселся в кресле и, уже не стесняясь, осушил стакан виски. Он сказал свое «А» и, казалось, собирался произнести «Б». Роджер сосредоточенно наблюдал, как горит огонь в камине, стараясь тише дышать, чтобы не вспугнуть порыв инспектора.

– Видите ли, дело очень, очень сложное, мистер Шерингэм, – произнес наконец Морсби. – Фаррар взялся за дело со всей душой, и даже когда понял, что сэр Юстас штука еще почище, чем он вначале думал, все равно он решил довести дело до конца. То есть не исключил возможности, что на жизнь сэра Юстаса мог покушаться какой-нибудь псих, который послал ему шоколадки с отравой из политических или религиозных соображений, воображая, что он принесет пользу человечеству или небесам, если избавит их от сэра Юстаса. Фанатик, как вы его называете.

– Убийство из-за разницы в убеждениях, – пробурчал Роджер. – Так?

– И естественно, Фаррар решил заняться личной жизнью сэра Юстаса. А как раз тут мы, полицейские, бессильны. Судите сами, легко ли нам докопаться до личной жизни баронета. Ни от кого никакого содействия, одни палки в колеса. Фаррар только ухватится за ниточку – а она рвется. Сэр Юстас и глазом не моргнул, послал Фаррара к черту.

– И был прав, со своей стороны, – задумчиво промолвил Роджер. – Кому охота выставлять на потеху суду свои шашни, да еще в таком изобилии.

– Из-за которых миссис Бендикс покоится теперь, бедняга, в могиле, – довольно резко заметил Морсби. – Нет, все-таки он виновен в ее смерти, не прямо, а косвенно, и потому обязан был сделать все, чтобы помочь следователю из полиции. Но дело на том и кончилось, Фаррар ничего больше не смог узнать. Кое-что ему удалось раскопать, парочку скандальных историй, но они никуда его не привели. Ну, и чтобы не признаваться в неудаче... Мистер Шерингэм, вы ведь понимаете, что я не должен был вам этого говорить; смотрите, чтобы дальше этих стен наш разговор не пошел.

– Боже избави, никогда, – с жаром пообещал Роджер.

– Ну а дальше, как я понимаю, Фаррару ничего не оставалось, как придумать безопасную для него самую версию. И начальник поддержал его версию, все из тех же соображений, что так будет спокойнее. Но если вы и вправду хотите докопаться до истины (Фаррар бы только пожелал вам удачи), то вот вам мой совет: займитесь личной жизнью сэра Юстаса. У вас больше возможностей, чем у нас, вы с ним одного круга. Вы можете поговорить с членами Клуба, с его друзьями, с друзьями его друзей. Вот, собственно, для чего я к вам и пришел, – сказал Морсби в заключение, – чтобы сделать вам этот маленький подарок.

– Весьма и весьма благородно с вашей стороны, Морсби, – растроганно произнес Роджер. – Еще стаканчик.

– Благодарю, мистер Шерингэм, – сказал старший инспектор Морсби. – Не откажусь.

Смешивая виски с содовой, Роджер размышлял.

– Я думаю, вы правы, Морсби, – медленно произнес он. – И у меня возникли подобные мысли, едва я прочел первый отчет о деле. Я убежден, что разгадка – в обстоятельствах личной жизни сэра Юстаса. И если бы я был суеверным (а я таковым не являюсь), знаете, что бы мне пришлось в голову? Что убийца не попал в свою цель и сэр Юстас не был убит по воле самого Провидения: для того чтобы во исполнение этой воли он, несостоявшаяся жертва преступления, по иронии судьбы, стал бы карающей рукой своего несостоявшегося убийцы.

Вы это серьезно, мистер Шерингэм? – усмехнулся старший инспектор. Он тоже суеверным не был. А Роджер продолжал увлеченно:

– «Кара Судьбы» – неплохое название для фильма, а? Между прочим, тут есть большая доля истины. Вспомните, как часто вы там, у себя в Скотленд-Ярде, зависите от случая: сам случай подбрасывает вам необходимую улику, на которой выстраивается все доказательство. И сколько паз цепь, казалось бы, случайных совпадений приводит вас к верному решению! Я не умаляю значения сыскного дела, нет. Но только подумайте, как часто бывает, что блестящая работа сыщика почти завершена, не хватает самой малости, чтобы все сошлось, и вдруг – случайное везение (вполне заслуженное, но везение), и преступление раскрыто. Я могу припомнить десятки таких случаев. Дело Милсома и Фаулера, например. Вы понимаете, что я хочу сказать? Так вот: чистый ли случай или сама Судьба карает преступника за содеянное?

– Да, честно говоря, мистер Шерингэм, какая мне разница, случай или что-то еще. Главное – поймать того, кого надо.

– Морсби, – засмеялся Роджер, – вы невозможный человек, вас не проймешь.

Глава 5

Сэр Чарльз, как он любил говорить, доверял только фактам и терпеть не мог всякой психологической чепухи. Факты были дороги его сердцу. Более того, они были для него хлебом насущным. Годовой доход сэра Чарльза, который составлял примерно тридцать тысяч фунтов, полностью зависел от его виртуозного искусства манипулировать фактами. И в этом искусстве у судейского барьера ему не было равных. Он мог разделаться с любым неудобным для него фактом, пусть даже очевидным, придав ему смысл. Для человека менее искушенного, чем он сам (например, для прокурора), совершенно неожиданный. Сэр Чарльз брал такой факт в руки, внимательно и смело его разглядывал, вертел так и сяк, заглядывая даже туда, куда, казалось, заглянуть невозможно, выворачивал его наизнанку, чтобы, подобно древним прорицателям, по его потрохам прочесть уготованную этому факту печальную участь, плясал на его останках, пока не стирал в порошок, из которого потом лепил новый факт, соответствующий его, сэра Чарльза, замыслу. Если тот, прежний факт вес же имел наглость снова вынырнуть и напомнить о себе, сэр Чарльз приходил в исступление и ревел страшным ревом как разъяренный бык. Если же и это действия не имело он прибегал к последнему средству: тут же, на глазах всего суда, из глаз его лились горькие слезы.

И поэтому нечего удивляться, что сэр Чарльз Уайлдмен, королевский адвокат, имел высокий годовой доход. Ему платили за то, что в его руках самые убийственные факты, грозящие его клиенту неминуемой карой, преображались в нечто наивно-умильно-трогательное, и – о чудо! – возникала картина младенческой невинности его подопечного. Возможно, у читателя вызовут интерес некоторые статистические данные, касающиеся, к примеру, числа убийц, которых сэр Чарльз спас от виселицы на протяжении своей благородной карьеры. Так вот, если из них соорудить башню, водрузив одного на другого! – на вторую третьего и так далее, то будет воздвигнуто весьма высокое сооружение.

Сэр Чарльз редко выступал на стороне обвинения. Адвокату истца не принято реветь от ярости, да и слезы едва ли уместны. А сэр Чарльз гордился подобными средствами. Они составляли в его адвокатской практике некий ритуал. Могучий рев, переходящий у всех на глазах в слезы, считался коронным номером сэра Чарльза. Он принадлежал к старой школе адвокатов, он был последним мамонтом этой славной плеяды. Помимо всего прочего, услуги адвокатов старой школы весьма щедро оплачивались.

Ровно через неделю после того, как Роджер выдвинул предложение о расследовании дела, Клуб криминалистов вновь собрался на очередное заседание. И когда сэр Чарльз суровым взглядом обвел притихшее собрание, поправив свое пенсне, сверкавшее на его мясистом носу золотой переносицей, члены Клуба сразу поняли, что им предстоит редкий спектакль. И притом бесплатно, тогда как выступление сэра Чарльза на стороне обвинения с кратким изложением дела, но в настоящем суде обошлось бы кое-кому не менее чем в тысячу гиней.

Сэр Чарльз заглянул в блокнот, который держал в руке и прочистил горло. Никто из адвокатов не умел так внушительно прочищать горло, как сэр Чарльз.

– Леди и джентльмены, – с большой важностью произнес он, – вполне естественно, что я более, чем кто либо из вас, заинтересован в расследовании этого убийства по причинам личного характера, которые, без всякого сомнения, вам должны быть известны. Имя сэра Юстаса упоминалось одно время рядом с именем моей дочери. И о помолвке мало сказать, что объявили раньше, чем нужно она вообще не должна была состояться, поскольку для этого не было никаких оснований. И все же я ощущаю, хотя и в крайне ничтожной степени, некоторую личную ответственность за попытку покушения на жизнь человека, которому молва прочила роль моего будущего зятя. Я не хотел бы выделять личный аспект в трактовке доверенного нам дела, которое я буду рассматривать с той же беспристрастностью, с какой мне доводилось вести

другие доверенные мне дела. Однако это сделать придется, поскольку обойти это обстоятельство невозможно. Благодаря ему я имел больше возможностей, чем остальные члены Клуба, подойти ближе к задаче, поставленной перед нами президентом. Я имею в виду тот факт, что лучше остальных знаю сэра Юстаса и к тому же обладаю доступными мне сведениями, которые, пройдя сложный путь доказательств, должны, я убежден, привести к желаемой разгадке преступления. Согласен, я обязан был изложить известные мне сведения своим коллегам по Клубу еще неделю назад, и от всей души прошу меня простить за то, что тогда я этого не сделал; оправданием может служить тот факт, что я не мог себе представить, что сведения, которыми я располагаю, могут оказаться полезными и пригодиться в деле. И только когда я принялся размышлять над нашим делом, пытаюсь распутать этот чудовищный, трагический узел, только тогда я осознал важность того, что знал и какое значение мое сообщение может иметь для раскрытия преступления.

Сэр Чарльз остановился, и под сводами зала эхо несколько раз повторило ритмические модуляции его голоса.

– Ныне же, вооруженный этими сведениями, – произнес он, обводя грозным взором лица присутствующих. – я могу с полной уверенностью заявить, что загадка убийства мною разрешена.

Слова сэра Чарльза были встречены волной изумленных возгласов. И хотя члены Клуба понимали, что сэр Чарльз и рассчитывал на подобное впечатление, изумление их было искренним.

Сэр Чарльз сбросил с носа пенсне, державшееся на широкой ленте, и характерным жестом взмахнул им в воздухе.

– Да, я полагаю, более того, я уверен, что смогу сорвать завесу с этой тайны. Но есть повод и для огорчения. Жаль, что мне выпал жребий выступить первым. Наверное, было бы интереснее, если бы нам было позволено прежде выслушать версии других членов Клуба, с тем чтобы доказать их ошибочность, и уже потом приблизиться к верному решению. Разумеется, в том случае, если эти версии существуют. Хотя меня несколько не удивит, если окажется, что ваши выводы вполне совпадают с моими. Ничуть не удивит, поверьте. Я не считаю, что обладаю сверхординарными способностями заставлять факты говорить за себя. Я даже горжусь тем, что отнюдь не сверхчеловеческий дар помог мне проникнуть вглубь обстоятельств мрачной тайны, лежащей в основе нашего дела, и не увидеть там ничего такого, к чему не пришли бы официальные расшифровщики неразрешимых тайн и загадок (я имею в виду, разумеется, профессиональную сыскную службу). Дело отнюдь не в моем даре. Напротив, я самое обычное живое существо, не наделенное никакими выдающимися свойствами, отличающими меня от других, мне подобных. И для меня не будет неожиданностью, если окажется, что я всего-навсего шел по следам кого-то из вас, уже взявшего след того, кто совершил это тяжкое преступление. Я же, со своей стороны, берусь утверждать, что доказательства, которые я намерен привести, не оставят и тени сомнений в том, что виновно в убийстве именно это лицо, и никто другой.

Отметя, таким образом, всякую мысль о том, что кто-то из членов Клуба мог быть ничуть не глупее его, сэра Чарльза, сэр Чарльз потребовал тишины и приступил к делу:

– Начиная расследование, я задал себе вопрос, извечный вопрос, правильный ответ на который во все времена, пока существует человечество, а следовательно, и убийства, безошибочно и верно выводит на след преступника. Вопрос, которым задается каждый преступник, не удосуживаясь, однако, подумать, что кроме него кто-то еще может найти на него ответ. Это вопрос – *qui bono?* – Сэр Чарльз выдержал напряженную паузу. – В чьих интересах? – перевел он, делая этим одолжение тем, кто латыни не знал. – Кому это было бы на руку? – перефразировал он на случай, если бы в аудитории оказалось два-три недоумка. – Кому на руку была бы смерть сэра Юстаса Пеннфазера?

Из-под нависших бровей он вопросительно оглядел сидевших, но каждый послушно вел свою роль и не торопился с догадками. Сэр Чарльз, со своей стороны, был слишком опытным оратором, чтобы раньше времени дать им ключ к тому, что он собирался поведать. Поэтому, предоставив своим слушателям теряться в догадках, сэр Чарльз резко изменил курс повествования.

– Итак, в этом преступлении я усматривал три неоспоримых улики, – продолжал он, переходя почти на обычный разговорный тон. – Я говорю, конечно, о сфабрикованном письме, пакете и самих шоколадках. Из всех трех улик пакет представляет известное значение, поскольку здесь важна почтовая марка. Адрес, написанный печатными буквами, я считал бесполезным для дознания. Он мог быть написан кем угодно и когда угодно. Следовательно, как мне казалось, он никуда бы нас не привел. Сами шоколадки и коробка из-под них тоже не могли бы служить серьезной уликой. Может быть, я ошибаюсь, но так мне казалось. Такие конфеты выпускаются в огромном количестве и продаются в сотнях магазинов; в данном случае выйти на след человека, купившего их, было бы невозможно. Более того, полиция уже должна была навести справки, действуя по всем этим направлениям. Короче, у меня в руках оставались только две вещественные улики: фальшивое письмо и марка на пакете. Опираясь на эти две улики, я должен был выстроить пирамиду моих доказательств.

Сэр Чарльз снова прервал речь, чтобы дать возможность своим слушателям постичь всю трудность стоявшей перед ним задачи; возможно, он недооценивал тот факт, что задача могла быть общей для всех. Роджеру уже давно не терпелось вмешаться, и потому, воспользовавшись паузой, он очень мягко поинтересовался:

– Так вы уже можете назвать преступника, сэр Чарльз?

– К своему глубокому удовлетворению, я уже смог ответить на вопрос, который я еще раньше задал себе и который только что обозначил для вас в своем сообщении, – ответ сэра Чарльза был исполнен достоинства, но исчерпывающего объяснения не содержал.

– Я понимаю. Значит, можете, – поймал его на слове Роджер. – Интересно было бы услышать, кто он, чтобы легче следить за ходом вашей аргументации. По-видимому, вы прибегли к индуктивному методу?

– Может быть, может быть, – пробрюзжал сэр Чарльз. Он терпеть не мог, когда его пытались подлавливать.

Какое-то время он, насупившись, молчал, переживая обиду – он всегда огорчался, когда задевали его реноме.

– Как я сразу понял, задача предстояла нелегкая, – возобновил он свое повествование в более строгом тоне. – Я был чрезвычайно ограничен во времени и при необходимости широкого дознания, требующего весьма обильных усилий от меня самого, вряд ли была у меня возможность самому проводить расследование по всем намеченным мною направлениям. Обдумав в целом предстоящее мне дело, я заключил, что единственное, что мне оставалось в этой ситуации, – это предаться тщательному анализу фактов, пока я окончательно не сформулирую версию, которая выдержала бы все проверки на состоятельность при сопоставлении с теми данными, которыми я уже располагал. А затем мне предстояло прояснить целый ряд моментов (что я до той поры не имел возможности сделать), которые должны были подтвердиться в том случае, если бы моя версия оказалась верна. Проработка этих подробностей должна была осуществляться другими людьми, действующими от моего имени. В случае, если бы полученные ими результаты совпали с посылками, содержащимися в моей версии, можно было бы считать, что она себя полностью оправдала. – Сэр Чарльз остановился и перевел дыхание.

– Иными словами, – прошептал Роджер на ухо Алисии Дэммерс, преобразуя сотню слов всего в шесть, – я решил вести расследование индуктивным методом, – но он произнес это так тихо, что никто, кроме мисс Дэммерс, ничего не услышал.

Она ответила ему понимающей улыбкой. Писать – не говорить. Творчество письменное – это вам не то что устное.

– Моя версия готова, – внезапно выпалил в трех словах сэр Чарльз. Наверное, он еще не успел отдышаться. – Да, я выстроил свою версию. Кое-что в ней, по необходимости, является плодом моего домысла. Разрешите мне привести пример. Больше всего озадачивал вопрос: как мог попасть в руки преступника бланк фирмы «Мейсон и сыновья»? Вряд ли подозреваемое мною лицо могло иметь эти бланки под рукой постоянно, и еще меньше вероятность того, что подозреваемое лицо могло каким-то способом раздобыть бланк. Мне трудно вообразить, каким способом, осуществляя свой план, преступник, о котором я говорю, мог завладеть бланком фирмы, не вызывая подозрений. Посему я и заключил, что преступник имел доступ к бланкам в силу объективных обстоятельств, благодаря которым он мог воспользоваться фирменным бланком, не вызывая подозрений.

Сэр Чарльз окинул аудиторию взглядом триумфатора, ожидая реакции. Роджер решил его поддержать, несмотря на то что мысль сэра Чарльза была слишком очевидной и в комментариях не нуждалась.

– Прелюбопытнейшая мысль, сэр Чарльз, в высшей степени оригинальная, – проговорил он.

Сэр Чарльз склонил голову, выражая свою признательность.

– Чистая догадка, должен вам признаться, – сказал он. – Результат работы мысли. Но догадка, вполне себя оправдавшая.

Сэр Чарльз был в полном восхищении от собственной проницательности, что сказывалось на стиле его речи. Предложения стали короче и не завивались в придаточные, дополнительные, обстоятельственные, причинно-следственные кружева, которые были в арсенале излюбленных средств сэра Чарльза. При этом он от возбуждения тряс крупной головой.

– Я стал размышлять, как такой предмет, как бланк фирмы, мог оказаться в распоряжении кого бы то ни было и чтобы при последующем дознании этот факт не оказался в противоречии с принятыми в фирме порядками. Наконец меня осенила мысль, что многие фирмы имеют практику вкладывать в конверты вместе с копией оплаченного счета, который они высылают своим постоянным клиентам, бланк фирмы, на котором выражают этим преданным клиентам свои наилучшие пожелания, благодарность и так далее. Догадка повлекла за собой три вопроса: были подобные послания в практике фирмы «Мейсон и сыновья» или нет. Имеет ли подозреваемое мною лицо постоянный счет в фирме, а точнее, учитывая пожелтевшие края бланка, имело ли это лицо счет в прошлом? И не было ли на упомянутом бланке следов другой, первоначальной фразы, позже начисто стертой ластиком? Леди и джентльмены, – гремел сэр Чарльз, порозовев от волнения, – шансы на то, что эти три вопроса найдут положительное решение, были мизерными, весьма мизерными. Ставя их перед собой, я знал, что если все три лучат положительные ответы, то в таком совпадении нельзя видеть лишь чистую случайность, – сэр Чарльз понизил голос. – Я знал, – медленно проговорил он, – что, если мои три вопроса получают утвердительный ответ, это будет означать, что вина подозреваемого мною лица доказана раз и навсегда, как если бы оно было поймано с поличным в моем присутствии в тот самый момент, когда впрыскивало собственной рукой яд в злосчастные шоколадки.

Он замолк, обедавая тяжелым взглядом лица присутствующих. Все глаза были устремлены на него.

– Леди и джентльмены, на все три вопроса ответ был положительным.

Ораторское искусство сильно воздействует на человеческий ум. Роджер знал все эти краснобайские приемы, которые теперь сэр Чарльз по привычке отработывал на членах Клуба. Роджеру казалось, что, произнося «леди и джентльмены», сэр Чарльз еле удерживается, чтобы не прибавить «присяжные заседатели». Этого вполне можно было ожидать, потому что сэр Чарльз наверняка имел обоснованную версию, в которой не сомневался, и излагал ее в наибо-

лее естественной для него манере, отработанной многолетней судебной практикой. Так что не велеречивость сэра Чарльза раздражала Роджера.

Его раздражало другое. Он и сам постарался обнаружить след зверя и теперь убедился, что искал его прямо в противоположном направлении, чем сэр Чарльз. Но будучи твердо убежден в том, что именно он, а не сэр Чарльз, взял верный след, Роджер поначалу даже подсмеивался над тем, как сэр Чарльз вился вокруг своей добычи. Но, удивительное дело, риторика сэра Чарльза с ее дешевыми, по мнению Роджера, штучками посеяла в нем некоторые сомнения.

Может быть, причиной тому была не только риторика сэра Чарльза? В его разглагольствованиях мелькали весьма существенные факты. И каким бы напыщенным старым болтуном ни был сэр Чарльз, дураком его не назовешь. Роджер почувствовал, что обескуражен, потому что его собственная добыча – и он это признавал в глубине души – не так-то просто шла в руки.

А когда сэр Чарльз перешел непосредственно к изложению своей версии, Роджер совсем огорчился.

– Тут не может быть никаких сомнений, – говорил сэр Чарльз. – Через нанятого мной агента я выяснил, что «Мейсон и сыновья», будучи старой уважаемой фирмой, имеют обыкновение поощрять свою постоянную клиентуру (девять десятых их продукции идет в оптовую торговлю) изъявлениями благодарности в виде нескольких приятных слов, которые они печатают на своих бланках, обычно по середине листа. Далее я установил, что интересующее меня лицо являлось постоянным клиентом фирмы и открыло постоянный счет пять месяцев тому назад, что подтверждает итоговый чек, после которого счет не возобновлялся. Более того я нашел время самолично посетить Скотленд-Ярд для того, чтобы ознакомиться с письмом уже во второй раз. Взглянув на обратную сторону письма, я безошибочно сумел разобрать следы слов, хоть и едва заметные, но слова эти напечатаны были как раз в середине листа. Нижняя половина их была забита строчкой письма, и потому не могло возникнуть мысли о том, что просто в текст письма были внесены исправления; кроме того, следы соответствовали длине фразы, которую я имел в виду: «Примите пожелания и т. д.». И были очевидны упорные попытки стереть, зачистить, замазать, разгладить поверхность листа, чтобы не только не было следов печатных литер, но чтобы даже не были заметны вмятины от ударов лапок по бумаге. Это окончательно подтвердило правильность моей версии, после чего я занялся выяснением некоторых других обстоятельств дела, вызывающих у меня сомнения. Времени было мало, и мне пришлось обратиться за содействием в четыре надежных сыскных агентства, распределив между ними задачи, имеющие целью выявить недостающие звенья в цепочке моих доказательств. Таким образом, я не только сэконобил время, но и постарался избежать опасности, что собранные данные как целое могут попасть в чужие руки, ибо я распределил задачи между агентами так, что ни у кого из них не мелькнуло и тени догадки о предмете моего дознания. И я имею полное основание считать, что в этом я весьма преуспел. Следующей моей заботой была почтовая марка. Мне предстояло с неопровержимостью доказать, что подозреваемое мною лицо в определенный день и час находилось в районе Стрэнда. Вы мне скажете, – сэр Чарльз пробежал взглядом по внимающим лицам своих слушателей и остановился на мистере Мортоне Харроугейте Брэдли, как будто предвидя, что именно он выдвинет против него подобное возражение, – вы скажете, – сурово повторял сэр Чарльз, обращаясь к мистеру Брэдли, – что в этом не было необходимости. Пакет мог быть отправлен ничего не подозревающим сообщником по просьбе преступника, с тем чтобы последний имел бесспорное алиби на этот промежуток времени. Тем более что лицо, которое я подозреваю, действительно находилось за границей. И потому тем проще было обратиться к подруге, которая могла в тот момент направляться в Англию, и попросить ее бросить пакет в ящик у нас в стране, дабы избежать излишних почтовых расходов, которые при пересылке писем за границу составляют немалую сумму. Нет, я с вами не могу согласиться, – грозно продолжал сэр Чарльз, направляя весь свой

гнев против мистера Брэдли. – Я хорошо это продумал и могу смело заявить, что лицо, имеющее отношение к преступлению, не пошло бы на такой риск, потому что подруга непременно бы вспомнила инцидент с письмом, прочтя некоторое время спустя криминальную хронику в газете. Почти неизбежно, что так оно и было бы. Нет, – заключил сэр Чарльз, окончательно сокрушая своего оппонента в лице мистера Брэдли, – я убежден, что лицо, которое у меня на подозрении, считало, что пакет должен быть опущен собственноручно, минуя каких бы то ни было посредников.

– Совершенно верно, но, однако же. – произнес тоном ученого мужа мистер Брэдли, – леди Пеннфазер могла иметь сообщницей вполне осведомленную особу, готовую разделить с ней вину. Вы не рассматривали такую возможность?

Мистер Брэдли всем своим видом демонстрировал, что все, что говорил сэр Чарльз, ему глубоко безразлично, но поскольку сэр Чарльз обращался именно к нему, то приходилось из вежливости ему отвечать.

Сэр Чарльз залился краской. Он всегда гордился особым своим умением скрывать имя подозреваемого, не произнеся его ни разу до конца своей речи, и когда нервы слушателей уже на пределе, он небрежно это имя обронит, совсем как в детективных романах. И надо же было гнусному писаке все испоганить.

– Сэр, я хотел бы подчеркнуть то обстоятельство, что я вообще не называл имен, это было бы слишком опрометчиво, – сэр Чарльз модулировал голосок; совершенно в джонсоновской манере. – Нет нужды напоминать вам о том, что такое диффамация?

Мистер Харроугейт улыбнулся своей возмутительной наглой улыбкой (в самом деле, он был несносный молодой человек).

– А что тут такого, сэр Чарльз? – веселился он, лаская пальцами нечто плюгавое и лоснящееся под его носом, чем были его усы. – Я же не собираюсь писать роман о том, как леди Пеннфазер намеревалась убить своего мужа Вы это имели в виду или закон о клевете?

Сэр Чарльз, который, конечно, имел в виду закон о клевете, кинул на него разъяренный взгляд.

Роджер поспешил ему на помощь. Спор напоминал ему схватку быка с оводом, которую всегда забавно наблюдать. Но Клуб криминалистов был создан, чтобы раскрывать чужие преступления, а не плодить новые в собственной среде. Нельзя сказать, что Роджер как-то особенно не любил быка или овода. Каждый из них забавлял его по-своему. Он не питал антипатии ни к тому, ни к другому. Мистер Брэдли же, наоборот, терпеть не мог обоих: и Роджера, и сэра Чарльза. Он не терпел Роджера даже больше, чем сэра Чарльза, потому что Роджер был джентльмен, но не обнаруживал этого, сам же Брэдли джентльменом не был, но изо всех сил старался показать, что он истинный джентльмен.

– Я рад, что вы затронули эту сторону, сэр Чарльз, – умиротворенно произнес Роджер. – Нам надо как следует это обдумать. Я даже себе не могу представить, как вести дело дальше, не придумав, как обойти закон о клевете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.